

Бредфорд Перкинс
(Мичиганский ун-т)

ИНТЕРЕСЫ

Движущие силы, определяющие американскую внешнюю политику, чем-то похожи, а в чем-то отличны от аналогичных сил других стран. Их роднит использование национального эгоизма; навязывание менее могущественным государствам своей культуры, а порой и своих искаженных — иногда незначительно, иногда существенно — представлений о событиях в мире, преломленных сквозь призму национальных, а не всечеловеческих ценностей. Но каждый из этих факторов имеет специфически американский характер.

По крайней мере с момента публикации в США в 1959 г. книги Уильяма Эпплтона Уильямса "Трагедия американской дипломатии"^{2*} — этого наиболее заметного вклада в историю дипломатии за многие годы — историки (и полемисты) усвоили тезис, согласно которому Соединенные Штаты всегда были "экспансионистским" государством. Конечно, это трюизм, ибо каждое государство прежде всего служит собственным интересам. Это в равной мере относится и к Соединенным Штатам, и к Советскому Союзу, претендующих на то, чтобы представлять интересы всего мира. Лишь немногие страны осознают пределы своего влияния, большинство же, как только представляется возможность, ищут пути его расширения; если великие державы демонстрируют глобалистские амбиции, то более слабые стремятся обрести влияние в регионах.

Несомненно, многие американцы как до, так и после завоевания независимости были по сути экспансионистами; и даже в колониальный период для большинства из них слово "Америка" вовсе не означало чисто географическое понятие. В 1771 г. молодой выпускник Йеля Тимоти Дуайт наряду со своими проповедями и философскими трудами опубликовал первые собственные патриотические и столь вдохновенные стихи:

Привет тебе, Земля света и славы! Твоя власть будет
Простираться вплоть до омывающих тебя морей,
По всему миру распространится слава о тебе,
И дикие народы покорятся твоему скипетру.
И сыны твои поплывут к студеным берегам,
Или помчатся на всех парусах в Азию навстречу шторму.

Перевод Л.М. Троицкой.

* В основу статьи положен доклад, прочитанный на международной конференции историков-американцев (Москва, 19—21 марта 1991 г.). Статья Б. Перкинса называется "The Canvas and the Prism". Слово "canvas" можно перевести как "картина" или "парус". Я выбрала "парус", поскольку в приведенном в тексте стихотворении Тимоти Дуайта "canvas" употребляется именно в этом значении. — *Со звездочкой здесь и далее — примеч. переводчика.*

^{2*} Вильямс В.Э. Трагедия американской дипломатии. М., 1960.

В XIX в. шовинистические декларации, созвучные чувствам Дуайта, продолжали звучать. Однако подчеркнем: его предсказания почти сбылись. Американские владения распространились до "морей", т.е. до тихоокеанского побережья, на расстояние более чем в тысячу миль. Американцы заставили "дикие народы" — Мексику и индейские племена — склониться перед их скипетром. Они ходили под парусами по морям всего земного шара.

Вопрос, достигли ли американцы мирового влияния или славы, остается проблематичным. В других странах их одновременно уважали и презирали; хуже того, их иногда игнорировали. И все же, то, что с юношеским пафосом воспел Т.Дуайт, превратилось в будни американской дипломатии на протяжении многих лет вплоть до начала гражданской войны.

В первые годы становления независимого государства внешняя торговля являлась чрезвычайно важным фактором экономики. По существу продолжало доминировать фермерское хозяйство, обеспечивающее владельца всеми необходимыми средствами к существованию. Вместе с тем, постепенно развивалась рыночная экономика, а заморские рынки быстро становились важной частью системы. Никогда позже экспорт не составлял столь большой доли в валовом национальном продукте — уровень цен на многие основные товары по сути определялся их экспортной стоимостью. По крайней мере до периода президентства^{3*} Дж.К.Адамса каждый предыдущий глава исполнительной власти уделял много внимания проблемам торговли, в том числе морского судоходства, всячески поощряя и то и другое.

Даже когда Соединенные Штаты были еще колониями, американцы стремились "развиваться в направлении прямо противоположном меркантилистской... политике империи"^{1, 4*}. Они желали полной свободы, чтобы торговать с любыми странами как в рамках британских владений, так и за их пределами. В результате сформировалась иная, чем у других государств, политика США. Американцы расширяли ареал своей коммерции, скорее, путем освобождения от пут, нежели методом регламентации и контроля. Однако их главная цель мало чем отличалась от целей, которые в течение долгих времен преследовало большинство стран мира.

Территориальная экспансия началась с того момента, как пилигримы сошли с плимутской скалы, а виргинцы стали прокладывать путь по реке Джеймс. Пока колонисты были английскими подданными, они "рьяно защищали британский империализм"², настойчиво убеждая Лондон потеснить французов с той территории, которую сами хотели осваивать и эксплуатировать. После завоевания независимости граждане США продолжали "теснить других". К 1865 г. Америка расширила свои владения до Тихого океана, и американцы зачастую хвастались тем, что их страна стала империей.

^{3*} С 1825 по 1829 г.

^{1, 4*} *Saville M. The Origins of American Diplomacy. N.Y., 1967. P. 540.* Имеется в виду британская империя.

² *Saville M. Op. cit. P. 513.*

Такое массовое продвижение в сопредельные районы — явление весьма необычное. Ближайшей параллелью может служить российская экспансия, начавшаяся в конце XV в. и завершившаяся по сути в XIX в. За столь длительный срок русские вышли за пределы Московии подобно тому, как американцы в свое время двинулись на Запад от атлантического побережья. Однако, если главной целью первых было подчинить своей власти многие нерусские народы, чей труд мог эксплуатироваться центром, то вторые, американцы, не стремились покорить индейцев или же превратить мексиканцев лишь в батраков на винограднике. Но это все же не следует понимать как похвалу американцам, точнее их морали. Их цели были не менее эгоистичны; их методы, особенно в отношении индейцев, часто — жестоки. И все-таки американцы отправлялись на поиски новых земель и ресурсов, а не за тем, чтобы подчинить местное население. Они были бы очень счастливы, если бы туземные племена исчезли сами по себе, и нет ничего страшного в том, что в захваченной половине Мексики проживало всего лишь несколько тысяч человек. Такой тип экспансионизма был присущ только Соединенным Штатам.

Из перечня ценностей Т.Дуайта остается упомянуть только категорию "славы", которую следует понимать как распространение влияния США в мире и уважения к этой стране. Американцы оценивали свой образ жизни, свою общественную модель как мессианскую, призванную изменить остальной мир. В 1765 г. отец Дж.К.Адамса, выражая уже широко распространенный взгляд, писал: "Я воспринимал заселение Америки всегда с почтением и удивлением, как начало грандиозной программы и Божий промысел, замысленный чтобы озарить путь и освободить рабскую часть человечества на всем земном шаре". Успех революции и создание республиканского правительства усилили подобные настроения среди американцев, а большинство из них поверило (хотя историки до сих пор спорят о справедливости претензий на мессианство), будто французская и латиноамериканские революции, а равно и европейские восстания 1848 г. подтвердили обоснованность ожиданий. Поэтому Герман Мелвилл в опубликованном в 1850 г. романе "Белый бушлат" счел возможным написать: "Мы несем ковчег^{5*} свобод всего мира... И давайте всегда помнить, что почти впервые за всю историю человечества наш национальный эгоизм находит выражение в безграничной филантропии, ибо мы не можем делать добро Америке, не подав милостыню остальному миру". Во времена Дж.К.Адамса американцы постоянно претендовали на то, чтобы их образ жизни уважали как модель достойную подражания и пригодную для других стран.

До гражданской войны за этими амбициями обычно скрывалось безобидное высокомерие; только иногда (в отличие от менее счастливых времен) за них надо было расплачиваться. Многие нации в своей истории тоже переживали фазы самона-

^{5*} Проводится параллель с ветхозаветным ковчегом откровения Божьего. Его сделал Веселеил "и вложил шесты в кольца, по сторонам ковчега, чтобы носить ковчег". См.: Исход. 37.5.

деянности, причем у некоторых из них они длились столь же долго, как и у граждан США. Как и прочие, эта форма "экспансии" является функцией врожденного эгоцентризма, присущего дипломатии любого государства. Возможно, американская форма чем-то и отличалась, но суть оставалась неизменной.

ЦЕННОСТИ

Конечно, американская форма экспансии возникла из культурных ценностей США. Во всех странах политические деятели, принимающие решения, зависят не только от имеющейся в их распоряжении информации по тому или иному вопросу, но и от собственных критериев ее восприятия. И когда на карте мира появились США, и позднее во многих государствах внешнеполитические решения принимал и внимательно изучал относительно узкий круг лиц, самое большее легислатура. Джордж Каннинг, ставший в 1822 г. министром иностранных дел Великобритании, считается первым европейским дипломатом, который искал у общественности более широкую, чем было принято, политическую поддержку. В Соединенных Штатах все сразу строилось иначе. Революционные лидеры, а позднее правительственные чиновники, проводя ту или иную политику, стремились достичь национального согласия; она должна была соответствовать национальным ценностям или, по крайней мере, оправдываться необходимостью их сохранения. В целом, с самого начала "культурный фактор [был], скорее, жизненно важным узлом в механизме выработки внешней политики, нежели просто театральным задником"³

Эти представления существовали так долго — вплоть до наших дней — и так внедрились в сознание американцев, что, кажется, в них нет ничего удивительного. Хотя частично эти представления были заимствованы у других народов, главным образом у англичан XVII в., они очень отличались от взглядов, доминировавших в Европе, особенно во время революции^{6*}, и дольше чем в других странах, были распространены. Они еще глубже укоренились, очевидно, благодаря событиям, происходившим в период между Войной за независимость и Гражданской войной. Ибо невозможно понять суть американской внешней политики, не признав, сколь "глубоким и повсеместным было влияние идеологии, уходящей своими корнями в XVIII—XIX вв."⁴

Идея республиканизма была важнейшей для США и означала разрыв с почти всемирной традицией — приверженностью монархии. В то время как европейцы позволяли себе обсуждать проблему пределов королевской власти (во Франции по крайней мере до революции, а в большинстве стран еще дольше), стабильность, обеспечивавшуюся

³ *Heald M., Kaplan L.S. Culture and Diplomacy. Westport (Conn.), 1977. P.1X.*

^{6*} Война за независимость США, 1775–1783 гг.

⁴ *Hunt M.H. Ideology and U.S. Foreign Policy. New Haven, 1987. P.125.*

монархическими институтами, было принято считать важным фактором сохранения политического спокойствия⁵

Во многом как следствие уроков, извлеченных (правильно или ошибочно) американцами из споров, развернувшихся в Европе накануне Великой французской революции, а также благодаря их собственному в целом успешному опыту в деятельности местного республиканского самоуправления в колониальный период, они отвергли идею монархии. Эдмунд С.Морган замечает, что "к XVIII в. суверенитет народа расценивался как дар". Конечно, добавляет он, на практике даже в наиболее эгалитарных колониях доминировала элита и это редко подлежало обсуждению: "народный суверенитет... стал преобладающей мечтой общества, правительство которого традиционно являлось сферой деятельности относительно немногочисленной элиты"⁶

После достижения независимости, в течение жизни одного поколения или намного дольше, американцы были озабочены судьбой своего эксперимента по созданию народного правительства. Иеремии^{8*} с обоих полюсов политического спектра часто оплакивали неудачи республиканцев. Некоторые опасались, что республиканский дух погубит демагогия, другие, что его уничтожит некая форма аристократического контроля или даже цезаризм. Действительно, споры о "формах правления, которые предпочтет республиканское правительство, и, что еще важнее, о том, каким быть республиканскому обществу, приводили к разногласиям и... великому разладу"⁷ Однако, ни один истинный американец никогда не предложил отказаться от самой концепции; в коррекции нуждались только ее искажения. Граждане США были уверены, что идея республиканизма (и Соединенные Штаты как ее выдающийся воплощенный в жизнь эксперимент) были надеждой и для современников и для будущих поколений.

По мере развития государственности с концепцией республиканизма все теснее связывалась идея политического и экономического индивидуализма. Господство индивидуализма — такова была главная тема — иногда объект похвалы, иногда критики — великой книги Алексиса де Токвиля "Демократия в Америке", опубликованной в 1835 г.^{9*} В отличие от французских республиканцев конца XVIII — начала XIX вв. американцы редко рассуждали о "воле нации", которая будто бы была важнее взглядов отдельных личностей. Хотя правительство вмешивалось в экономику намного чаще, чем полагали полемисты, почитавшие политику отцов-основателей, хотя совместным

⁵ Во время беспорядков во Франции в 1789–1815 гг. ведущие федералисты часто противопоставляли стабильность монархической Англии власти толпы, а позднее цезаризму^{7*}, царившему в стане врага Великобритании. Но даже эта небольшая фракция не отказалась от идеи республиканизма, как они ее понимали, для Соединенных Штатов.

^{7*} Имеется в виду Наполеон Бонапарт.

⁶ Morgan E.S. *Inventing the People*. N.Y., 1988. P.143, 148.

^{8*} Ироническая параллель с древнееврейским пророком, которому приписывается авторство книги Ветхого завета "Плач Иеремии".

⁷ Shalhope R.E. *Toward a Republican Synthesis*// William and Mary Quarterly. 3d. ser. 1972. Vol.29. P.72.

^{9*} См.: Токвиль А.де. *Демократия в Америке*/ Пер. с французского. М., 1992.

экономическим усилиям придавалось все большее значение, свободное индивидуальное предпринимательство оставалось той моделью, которая более всего приличествовала стране ферм и фермеров, какой были США уже при своем рождении. Соединяя идеи республиканизма и индивидуализма, Томас Джефферсон писал в 1815 г., что американская "модель правительства гарантирует права человека, в том числе и право на плоды его труда, посредством организации, постоянно подчиненной его собственной воле".

Фактически всеобщая поддержка республиканизма и индивидуализма никоим образом не превращалась в единодушие при выработке курса внешней политики. Безусловно, временами яростные споры и разногласия вокруг нее разгорались еще до известного столкновения позиций Гамильтона и Джефферсона в 1790-х годах, продолжались они и после Гражданской войны. Но различное отношение к политике не должно затушевывать очевидную общность убеждений, разделяемых почти всеми американцами. Эта общность сказывалась на позициях обеих сторон во время дебатов, одновременно и провоцируя их обострение и ограничивая определенными рамками, за которые не могли выйти политические соперники.

Кредо граждан США — его можно назвать идеологией, не будь ныне у данного слова столь негативного оттенка; его можно назвать идеалами, не будь у этого слова столь благоприятного оттенка — свидетельствовало о том, что американцы и в большей степени их искушенные лидеры инстинктивно с подозрением относились к монархическим, этатистским режимам. (Уважение, которое Дж.К.Адамс испытывал к царю Александру I, было исключением, доказывавшим правило.) Это кредо также свидетельствовало, как будет показано, что граждане США приветствовали и одобряли революции. В 1796 г. президент Дж.Вашингтон выразил точку зрения нации, когда заявил, что его "лучшие чувства всякий раз пробуждались, как только угнетенный народ в любой стране разворачивал знамена свободы". Во многих случаях, но не исключительно благодаря господствовавшим в обществе идеям невмешательства, американцы очень редко рассматривали даже самую возможность оказания помощи борцам против монархии. Но пожелания борьбы с тиранией, высказывавшиеся Вашингтоном, Адамсом и их соотечественниками, были важны и часто придавали политике Соединенных Штатов определенный оттенок.

ПРИЗМА

Ученый-политолог писал: "Каждая страна смотрит на мир сквозь призму собственного опыта"⁸. Американские государственные мужи (и те, кто описывают их деяния) зачастую не обращают внимания на этот простой, почти самоочевидный факт. Как замечает Реджинальд Стюарт, "исторически сложилось, так, что американцы с трудом переступают через себя, когда судят о других. И они редко понимают, насколько их собственные понятия о ценностях произвольно мешают им

⁸ Hoffmann S. Restraints and Choices in American Foreign Policy// Daedalus. 1962. Vol.91. P. 680.

воспринимать мир таким, какой он есть"⁹. Образ мыслей граждан США, являясь продуктом их опыта, создал условия для восприятия ими мирового развития и соответственно как они на это развитие реагировали.

Конечно, всякая нация видит мир через свою "призму". Например, русский взгляд на внешние события искажается воспоминаниями о целой серии нашествий, начиная со шведского короля Карла XII в начале XVIII в. и кончая Гитлером в XX в. Но восприятие каждого народа, в том числе и американского, уникально. Нельзя объяснить торговую политику Америки, игнорируя приверженность страны индивидуализму, страны, в которой осуждались закрытые системы и государственное регулирование, а предпочтение отдавалось политике "открытых дверей". Развернувшаяся в США компания по приобретению новых территорий, будучи во многом алчной, существенно усилилась благодаря полученному дополнительному импульсу от культурных ценностей, преломленных сквозь "призму". Это позволяло американцам считать себя носителями прогресса в Луизиане, Флориде, Орегоне или Мексике.

Равно как отношение граждан Соединенных Штатов к зарубежным революциям было по существу проекцией видения их собственной революции. Они твердо верили, что восстали против тирании, избежали кровавых эксцессов и социального беспорядка, создали республику; что все это божественная стезя и для остального мира. Граждане США приветствовали антимонархические восстания, но, когда в часто повторявшемся "цикле надежды и разочарования"¹⁰ революции выходили за пределы чисто политической сферы, порождая репрессии, бонапартизм и глубокое социальное изменение, отшатывались от них. Террор отвратил американцев от Великой французской революции, которую поначалу они почти единогласно одобряли. "Революционная весна" 1848 г., антимонархические и национальные взрывы в полудюжине европейских стран, начатые парижским восстанием, вызвали аплодисменты; но насильственные действия радикалов, захлестнувшие Францию, вскоре оттолкнули многих американцев. В промежутке между этими датами^{10*}, в 1830 г., произошла еще одна французская революция — движение в сторону либерализма, а не республиканской формы правления. Но она заслужила похвалу президента Э.Джексона в связи с "героической выдержкой, которая... выбила оружие террора из рук революции". Контраст в восприятии гражданами США европейских революций поучителен.

Так реагируя на события, американцы слишком часто забывали два особых обстоятельства, сделавших возможным их тип революции. Современные ученые занимались этой проблемой многие годы, но уже 150 лет назад она привлекла внимание А.де Токвиля. Он писал: "Можно без преувеличения сказать: искусство жить свободным способно творить чудеса, но в то же время нет ничего труднее, чем учиться жить

⁹ Stuart R.C. United States Expansionism and British North America. Chapel Hill, 1988. P.X111.

¹⁰ Hunt M.H. Ideology and U.S. Foreign Policy. P. 97.

^{10*} 1789 и 1848 гг.

свободным"¹¹ Осуществляя самоуправление на протяжении большей части своей колониальной истории, американцы подошли к независимости, имея уже действующую модель поведения и определенный уровень общественной мысли, что делало логичной и удобной республиканскую форму правления. Им не надо было освобождаться от сословных политических привилегий или изменять экономический порядок, чтобы создать республиканизму условия для процветания. Другим повезло меньше, и, когда они выходили за рамки того, что граждане США считали допустимым в революциях, тогда американцы переставали им симпатизировать.

Пока национальный эгоизм был силен, неспособность других народов создать индивидуалистический республиканизм рассматривалась в США как признак неполноценности. Так, в 1787 г. Т.Джефферсон писал о европейцах: "За тысячу лет им не достичь тех высот, на которые уже взмошел наш простой народ". Он был американским посланником в Париже, когда там началась революция. Сначала Джефферсон считал ограниченную монархию более подходящим для Франции решением, касающимся проблемы власти, поскольку народ был плохо подготовлен к самоуправлению. Спустя годы, когда латиноамериканцы выступили против испанского владычества, по существу каждый американец приветствовал восстание, но многие, включая Джефферсона, не без оснований сомневались, что за этим последует действительно республиканская форма правления. Дж.К.Адамс заявлял, что "у них не было изначальных предпосылок для создания надлежащего или свободного правительства. Деспотическая власть — как военная, так и церковная — довлела над системой образования, привычками и всеми другими институтами"^{11*}

Такой двойственный подход является по существу восприятием сквозь "призму". Республиканизм в американском стиле был высшей формой правительства. Те, кто компрометировал это утверждение, являлись в глазах граждан США неполноценными людьми, стоявшими на низкой ступени исторического развития. Во всяком случае американцы считали их грешниками. На протяжении всей своей истории они именно таким образом воспринимали другие народы.

Ниже приведено предложение из книги "Демократия в Америке", в котором говорится о втором факторе, способствовавшему искажению восприятия через "призму". В характерном для него тоне А.де Токвиль писал: "От отцов они унаследовали любовь к равенству и свободе, но только Бог, даровавший им необъятный континент, дал им возможность долго жить равными и свободными"¹². Американцы были осчастливлены богатыми землями и ресурсами. Конечно, существовали и бедные, их стало особенно много в процветающих до Гражданской войны городах. Согласно первой переписи 1790 г., был рабом один из шести американцев. К началу Гражданской войны в рабстве пребывало четыре миллиона

¹¹ *Tocqueville A.de. Democracy in America/ Ed. by J.P. Mayer, M.Lerner. N.Y., 1966. P. 221.*

^{11*} Имеются в виду страны Латинской Америки.

¹² *Ibid. P. 257.*

человек, или каждый восьмой житель США. Однако у подавляющего числа американцев условия жизни были намного лучше, чем у народов других стран; да и землевладельцев в Соединенных Штатах было намного больше, нежели в каком-либо другом государстве. Более того, хотя периодически наступали кризисы, высокие темпы экономического роста все же преобладали.

Это облегчало путь к утверждению республиканской формы правления, укрепляло стабильность в обществе и усиливало тягу к индивидуализму. Историк Дэвид Поттер писал: «Мы полагали, что наше откровение — это "демократия, революционизирующая мир", но в действительности им оказалось "изобилие, революционизирующее мир"»¹³ В других странах, или по крайней мере во многих из них, политические перемены приводили к классовым конфликтам и экономическому соперничеству, что американцам рисовалось нереспубликанским беспорядком. Как показывают современные историки, такие напряженные отношения существовали и в Соединенных Штатах, но, если сравнивать, то там они были приглушены. Американцы просто не могли понять, "почему (например) три или четыре Франции раздирают друг другу горло, тогда как единая Америка — по контрасту — быстро прокладывает себе путь в будущее"¹⁴

Концепция "призмы" предполагает еще один тип мышления. Много лет было модно отделять идеалы от эгоизма как мотивов внешней политики, считая эти понятия полярно противоположными. По этому поводу ведущий историк "реалистической" школы писал, что они "взаимно исключают друг друга. Страна не может одновременно отстаивать свои национальные интересы и собственные представления об общечеловеческих ценностях, ибо нация и ее идеология не являются синонимами"¹⁵ Осторожнее высказался знаменитый политолог, посвятивший данной проблеме специальную книгу, когда писал, что вряд ли "идеализм или эгоизм существуют в чистом виде, можно обнаружить лишь странную смесь амбициозных и противоречащих друг другу аспектов и мотивов"¹⁶ Но этот автор трактовал идеализм и своекорыстие как понятия, противостоящие друг другу, а "странность" как смесь "амбициозности и противоречий". В действительности такое смешение является нормой; в свою очередь столкновение национальных интересов с национальной культурой следует считать исключением. И в этом во многом повинна "призма". Как писал много лет назад Макс Вебер, «не идеи, а интересы (материальные и моральные) прямо властвуют над людьми. Все же "восприятие мира", сформированное этими идеями, очень часто служило как бы хлыстом в руке возницы, направлявшим свою колесницу по пути дальнейшего развития»¹⁷ Итак, материальные интересы, культура и "призма" сочетаются в сложном взаимодействии, формируя внешнюю политику.

¹³ Potter D.M. *People of Plenty*. Chicago, 1954. P. 134.

¹⁴ Rossiter C. *The American Quest*. N.Y., 1971. P. 12.

¹⁵ *Ideas and Diplomacy* / Ed. N.A.Graebner. N.Y., 1964. P. V111.

¹⁶ Osgood R.E. *Ideals and Self-Interest in America's Foreign Relations*. Chicago, 1953. P. 4.

¹⁷ Цит. по: Morgenthau H.J. *Politics Among Nations*. 4th ed. N.Y., 1967. P.8.

Нет более ясной иллюстрации совместимости всех трех факторов, чем приверженность изоляционизму. Американцы хотели торговать со всем светом, но не хотели участвовать в политике на других континентах, в особенности в союзе с какой-либо из держав. На практике иногда происходило обратное, особенно в знаменитом альянсе с Францией, который был очень важен для успеха революции. Тем не менее идея изоляционизма оставалась и превратилась в навязчивую догму, даже тогда, когда само слово не употреблялось применительно к политике вплоть до XX в. Как отмечает Декстер Перкинс, "изоляционизм соответствовал интересам Соединенных Штатов, реальностям международных отношений и даже американским идеалам"¹⁸ Такая политика была явно благоразумной: государство, всеми силами защищая собственные коммерческие интересы, стало сильнее в пределах территории, отгороженной просторами Атлантики. Слабая по мировым стандартам держава могла только страдать от того, что втягивается в войны между более сильными странами, а нейтральное государство могло надеяться (во времена, когда права нейтралов принимались серьезнее, чем в более поздние годы) извлекать огромную выгоду от торговли, поскольку воюющие стороны стремились уничтожить коммерцию друг друга.

В то же время, вовлечение в своекорыстную политику Европы могло оцениваться и оценивалось американцами как осквернение своих идеалов. Участие в дворцовых интригах и аморальный национальный эгоизм противоречили принципам республиканизма. Пойти на такое означало бы для США вынужденный компромисс с монархиями; поставило бы под удар простодушных, но честных американских дипломатов, которые могли поддаться на уловки циничных и ловких европейцев; и, возможно, сверх всего, угас бы зажженный Соединенными Штатами "маяк свободы", светивший всему миру. В свою очередь такие убеждения формировали "призму", через которую американцы смотрели на развитие заморских стран, — своего рода угол зрения, обуславливавший определенные интерпретации тех или иных событий и явлений, и возводивший "призму" на первое место.

Как мы видим, рассмотренные в статье интересы и идеи уходят корнями в колониальный период. Конечно, американская модель поведения и мышления существовала еще прежде, чем Америка стала государством. По крайней мере до 1763 г. колонисты были способны смириться с преданностью британской империи; в целом, они были счастливыми, умеренно процветающими и отчасти свободными. В течение следующего столетия они смогли постоянно расширять сферу действия амбиций и культуры.

¹⁸ Perkins D. The American Approach to Foreign Policy. Cambridge, 1952. P. 11.